

Самый нездешний

В 1999 году в Издательском Доме "Подкова" вышла книга Юрия Ковалёва

"АУА" — дневники, письма, зарисовки писателя («ЭС» писала о ней в №38, 1998г.). Вот-вот ожидается выход еще одной книги Ковалёва — "Листобой". В ней, кроме известных повестей "Недопёсок", "От Красных ворот" и нескольких циклов рассказов, собрано множество миниатюр, жанр которых составитель книги Юлий Файт определил как "стихотворение в прозе". Небольшую часть мы предлагаем вашему вниманию.

Экран и сцена. — 2000. — янв. (№2). — С. 14-15

Иван ОВЧИННИКОВ:

— А где я, собственно, здешний? — спрашивает герой повести "Самая легкая лодка в мире". — В Москве, что ли? Вот уж нет, в Москве я совершенно нездешний, нет-нет, я не москвич, я не тамошний. Приехал сюда и опять нездешний...

Таким, всюду нездешним, казался мне и сам писатель Юрий Ковалёв. Отсюда, думал я, и его вечные странствия по нашей земле. Однажды меня попросили нарисовать карту его путешествий. Я не взялся за это дело. Вместе мы путешествовали мало, а главное, я считал, что основные его маршруты пролегли по другим, малодоступным для нас местам. Он как-то сказал: "В душе я не различаю простой одуванчик, который растёт всюду, и Капеллу, которая сияет в созвездии Возничего". О звездах он писал как никто. О кровавой тусклой звезде "с таким непевчим и таким неловким, неповоротливым в наших лесах названием — Бетельгейзе", о звездном охотнике Орионе, которого Ковалёв особенно любил. Ему казалось, что это созвездие связано с его жизнью.

Фазиль Искандер назвал Ковалёва самым легким писателем нашей страны. "Пушкинская легкость" — так оценил он ковалёвскую прозу. Но русская литература началась еще за сотни лет до Пушкина, и если бы меня спросили, где истоки этой легкости, я бы назвал не Пушкина, а, может быть, Даниила Заточника.

Любимым писателем Ковалёва был Борис Шергин. О нем написал он замечательное воспоминание. "Веселье сердечное" — единственное, что было опубликовано у Ковалёва при жизни в "Новом мире". Он и там был нездешний. Его считали писателем детским. Книжки его не залеживались на полках, по ним ставили художественные и мультипликационные фильмы. Но у Ковалёва не было всеобъемлющей популярности. Я знал немало людей, которые были к творчеству Ковалёва равнодушны. Наверное, и в его читателях должна быть какая-то нездешность.

Я, повторю, мало путешествовал с Ковалёвым. Но он сказал как-то: "И потом скитаться можно... Я вот сейчас выйду из мастерской и пойду за бутылкой водки — это может быть скитанием. Дело не в том, сколько ты прошел, а в том, сколько пережил за отрезок пути".

В тот день мы с Юрием Иосифовичем Ковалёвым стояли в районе метро Таганская. Путь наш сюда от мастерской был тернист и долг. Он почти завершился уже. В руках у нас оставалась только бутылка водки, в которой плескалось еще граммов триста пятьдесят. Пить нам не хотелось. Обычно в жизни бывает по-другому. Хочется выпить, а водки нет.

— Ваня, выручай, — говорил Ковалёв. Я предпринял очередное героическое усилие. Но в бутылке еще оставалось граммов двести. Проблема, выросшая перед нами, была почти неразрешима. Конечно, можно было вылить водку, выбросить бутылку, но это вопиюще шло вразрез со всей этикой и всемирным братством пьяных (слегка) людей.

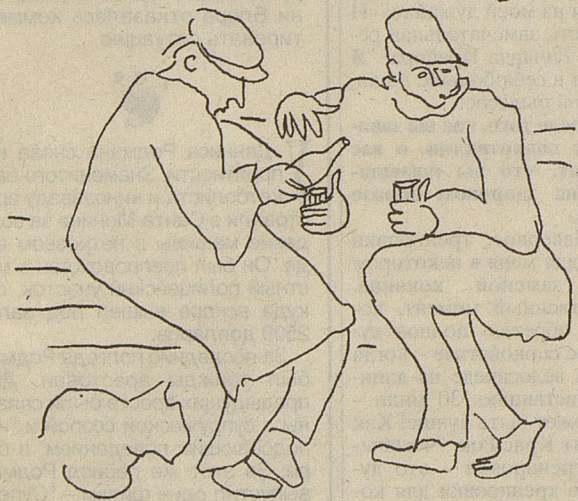
Мы подошли к высокому забору, воздвигнутому вокруг "Николы у Таганских ворот". Тогда многие храмы Москвы окружали заборы. Слава богу, для того, чтобы восстановить их, а не разрушить. Мы решительно не знали, что нам делать. Нельзя нам было больше пить! Вдруг из дыры в заборе вылез странный человек. Небольшого роста, без бороды и слегка лысоватый. Он подошел к какой-то торчащей из-под земли водопроводной трубе, из которой хлестала вода. В руках его появился стакан. Человек пил воду.

— Послушайте, — обратился к нему Ковалёв. — Извините нас ради бога! Но... Не хотите ли вы выпить?

Человек ничуть не удивился, подставил стакан под нашу водку, выпил, поблагодарил и ушел обратно в свою дыру. Довольные, шли мы к метро.

— А знаешь, Ваня, — сказал Ковалёв, — ведь это был Николай Угодник...

За всё хорошее!

Весеннее небо

Зимнее небо — это ворона, одиноко летящая в серой мгле. Летнее небо — это стрижи и ласточки, рассекающие знойный воздух над соснами.

Печально осеннее небо — стаи галдящих галок по окраинам городов и где-то далеко над сжатом полем караван улетающих на юг журавлей.

И только весной небо наполнено птицами до краев. Взгляни в любую сторону — обязательно увидишь птицу. Нет минуты, чтоб небо весны было пусто: скворец или жаворонок, пара чиби́сов или стая краксовых уток летит над потеплевшей землей...

Хрюкалка

Весенним вечером, когда солнце спрячется за верхушки деревьев, неведомо откуда появляется над лесом странная длинноклювая птица. Летит низко над прозрачным ольшаником и внимательно оглядывает все просеки и поляны, будто ищет чего-то.

«Хорх... хорх...» — доносится сверху хриплый голос. — Хорх...

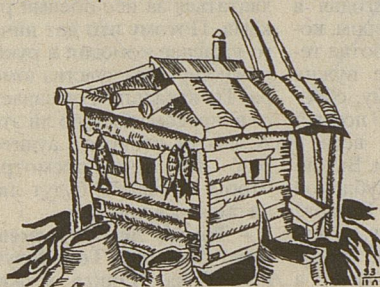
Раньше в деревнях говорили, что это не птица вовсе, а вроде бы чертенок летает над лесом, разыскивает свои рожки, которые потерял.

Но это, конечно, не чертенок. Это летает над лесом вальдшнеп, ищет себе невесту.

У вальдшнепа вечерние глаза — большие и темные.

За хриплый голос вальдшнепа иногда называют «хрюкалка», а за длинный клюв — «слонка».

А в одной деревне, слышал я, зовут его ласково «валишень». Такое название мне нравится больше всего.

Юлий ФАЙТ:

— Несколько слов о работе Ковалёва в кино. Ведь кино — это всегда "на заказ". Я слышал мнение, что Юра не любил и не очень умел воплощать заказную работу. Редко, но бывало, что он вымучивал порученное ему, с трудом доводил дело до конца, если не бросал. Так, например, было с песней о границе в фильме "Пограничный пес Алыш", сделанном по его обаятельным рассказам-очеркам. Но и тут он нашел формулу, приведшую в восторг консультантов:

"Стоит на границе солдат. Ни шагу вперед, ни шагу назад".

"Это же наше кредо!" — кричали генералы и полковники погранвойск КГБ. Эту песню Юра никогда не пел друзьям.

Но если в заказе находились мотивы, близкие ему, если заказчик (в данном случае режиссер) достаточно точно определял задание и в то же время давал свободу, — Юра писал уже "от себя", и тогда была удача. И тогда уже никто не мог исполнить его песню лучше него самого. (Поверьте, это опробовано).

Фото В.УСКОВА

Сирень и рябина

Мне кажется, что сирень и рябина — сестры.

Сирень — весенняя сестра.

Рябина — осенняя.

Весной — за каждым забором кипящий сиреневый куст. А плодов у сирени и нет никаких, так, стручочки ржавенькие.

Рябина тоже весной цветет, но какие у нее цветы?

Никто их не замечает. Зато уж осенью — за каждым забором — рябиновые гроздья.

Кисти сирени и гроздья рябины никогда не встречаются. Кто думает весной о рябине?

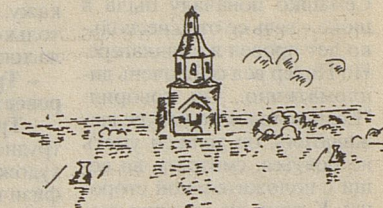
Кто вспомнит осенью сирень?

Редко, очень редко вдруг в августе снова зацветет сиреневый куст. Будто хочет поглядеть — хороша ли нынче рябина?

Срублю себе дом и посажу у крыльца сирень и рябину:

Справа — сирень, слева — рябину, а

сам посередине на крыльцо сяду. Вот будет здорово! Справа у меня — весенняя сестра, слева — осенняя, а я посередине сижу.

Романс из фильма "Марка страны Гонделупы"

Темнеет за окном, ты зажигаешь свечи,

И светлая рука стеклом отражена,

И снова к нам с тобой пришел осенний вечер,

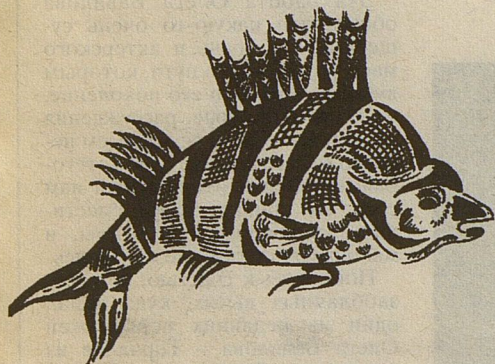
И в доме и в душе покой и тишина.

А где-то далеко шумит вечерний ветер,
Кружится в темноте опавшая листва,
И снова мы вдвоем, и с нами долгий вечер,
Вечерний разговор, вечерние слова...

Кадр из фильма

ПИСАТЕЛЬ В МИРЕ

Про них

Отгорел закат, отстали от меня ласточки-касатки, когда я подошел к незнакомой деревне.

Смеркалось.

Печальной показалась мне деревня. Я шел по улице, а не встретил ни души. Пришел на крылечке какого-то дома, а никто и не выглянул в окно. Тут я увидел, что почти все окна заколочены, а на дверях висят замки и замочки. Люди из деревни ушли.

«Зачем это? — думал я. — Зачем ушли? И куда? Наверно, в город. Буду новую книжку писать — обязательно напишу про эту деревню».

— И про нас напиши! — послышался вдруг близкий и хриплый голос.

Я вздрогнул.

— Юра! И про нас напиши, — снова явственно проговорил кто-то. Голос слышался за углом дома.

Я заглянул за угол — никого не было. Лежали перевернутые козлы, стоял под засохшей яблоней сломанный стул, валялась безногая кукла.

Обошел дом вокруг — никого не встретил.

Совсем стемнело, стало мне не по себе, и я ушел в поле.

— Напишу! — крикнул я напоследок. — Обязательно про вас напишу.

Вот я и написал про них, а кто они такие — не знаю.

Грачи

Когда приходит весна и солнце начинает пригревать старый снег, а с крыш отрастают сосульки, витые, как бараньи рога, тогда-то и прилетает грач.

Он расхаживает по проталинам, по деревенским дорогам, высматривая случайного червяка.

Грач черен, как смоль, а на солнце оперные его вспыхивают фиолетовым светом.

У грача лобастая голова, умный взгляд, а клюв его крепок и желт.

За деревней, на ветках старых берез висят лохматые грачиные гнезда, сплетенные из толстых прутьев. С прилетом грачей начинается на березах галдеж. Грачи кричат, горячатся, поправляют прошлогдние гнезда.

Оживают старые березы, и, невидимый глазу, течет уже по их жилам сладкий березовый сок.

Стеклянный пруд

В деревне Власово, слышал я, есть Стеклянный пруд. «Наверно, вода в нем очень прозрачная, — думал я. — Видны водоросли и головастики. Надо бы сходить, посмотреть».

Собрался и пошел в деревню Власово. Прихожу. Вижу: у самого пруда две бабки на лавочке сидят, рядом гуси пасутся. Заглянул в воду — мутная. Никакого стекла, ничего не видно.

— Что ж это, — говорю бабкам, — Стеклянный пруд, а вода — мутная.

— Как это так — мутная?! У нас, дяденька, вода в пруду сроду стеклышко.

— Где ж стеклышко? Чай с молоком.

— Не может быть, — говорят бабки и в пруд заглядывают. — Что такое, правда — мутная... Не знаем, дяденька, что случилось. Прозрачной нашего пруда на свете нет. Он ключами подземельными питается.

— Постой, — догадалась одна бабка, — да ведь лошади в нем сейчас купались, намутили воду. Ты потом приходи.

Я обошел всю деревню Власово, вернулся, а в пруду три тракториста ныряют.

— Опоздал, опоздал! — кричат бабки. — Эти какое хошь стекло замутят, чище лошадей. Ты теперь рано утром приходи.

На другое утро к восходу солнца я пошел в деревню Власово. Было еще очень рано, над водой стелился туман, и не было никого на берегу. Пасмурно, как темное ламповое стекло, мерцал пруд сквозь клочья тумана.

А когда взошло солнце и туман рассеялся по берегам, просветлела вода в пруду. Сквозь толщу ее, как через увеличительное стекло, я увидел песок на дне, по которому ползли тритоны.

А подальше от берега шевелились на дне пупырчатые водоросли, и за ними в густой глубине вспыхивали искры — маленькие караси. А уж совсем глубоко, на середине пруда, там, где дно превращалось в бездну, тускло вдруг блеснуло кривое медное блюдо. Это лениво повертывался в воде зеркальный карп.

Фарфоровые колокольчики

Кому какой, а уж мне больше всего фарфоровый нравится колокольчик.

Он растет в глубине леса, в тени, и цвет у него странный — малосолнечный. Не водянистый, но — прозрачный, фарфоровый. Цветы его невесомы, и трогать их нельзя. Только смотреть и слушать.

Фарфоровые колокольчики звенят, но шум леса всегда их заглушает.

Елки гудят, скрипят сосновые иголки, трещит осиновая листва — где уж тут услышать легкий звон фарфорового колокольчика?

Но все-таки я ложусь на траву и слушаю. И долго лежу, и уходит в сторону еловый гул и трепет осины — и далекий, скромный слышится колокольчик.

Возможно, это не так, возможно, я все это придумываю, и не звенят в наших лесах фарфоровые колокольчики. А вы послушайте. Мне кажется — звенят!

Ночью

— Да вставай же ты, проснись!

Я проснулся.

— Выходи на улицу.

Я подумал: что-то случилось. Схватил со стены ружье, сунул ноги в мокрые со вчерашнего дня сапоги и выскочил из избышки.

— Смотри, смотри, ты должен это увидеть.

Николай стоял под навесом у порога. Была промозглая и тихая глубокая ночь. Легчайший мелкий дождик шелестел в лиственницах.

— Видишь?

Я не видел и не понимал, куда надо смотреть.

— Не вижу, — сказал я.

— Прямо под ногами.

Я глянул под ноги и увидел слабые светящиеся звездочки на земле. Так, бывает, светятся звезды небесные через облачную пелену.

— Это гнилушки, — сказал Николай. — Видишь, они светятся...

От порога до костра тянулась светящаяся тропинка. Днем жгли мы гнилое бревно и, пока тащили его к костру, насыпали на землю трухи.

— Это гнилушки, — говорил Николай. — Они светятся. Ты должен это увидеть, поэтому я тебя и разбудил.

Мы стояли рядом и смотрели на землю, по которой был рассыпан спокойный и тихий, очень простой свет.

Скоро мы продрогли, собрали самые крупные светляки, унесли в избышку.

Я стал раскладывать гнилушки на полу. Выложил созвездие Большой Медведицы.

— Правильно я сделал, что разбудил тебя? — волновался Николай.

В избышке они светились точно так же, как на улице. Они не освещали ничего, не грели, но хотелось смотреть и смотреть на них.

Снежный всадник

Говорят, когда выпадает первый снег, — объявляется в лесах Снежный Всадник.

На белой лошади скачет он по заснеженным оврагам, по сосновым борам, по березовым рощам.

То там, за елками, то там, на просеке, мелькнет Снежный Всадник, объявится перед людьми и мчится бесшумно дальше — по заснеженным оврагам, по сосновым борам, по березовым рощам. Никто не знает, зачем он появляется в лесу и куда путь держит.

— А с людьми-то он как, — спросил я Ореховну, — разговаривает?

— Чего ему с нами разговаривать? О чем спрашивать? Он ведь только глянет на тебя и сразу все поймет. Он, как по книге, читает, что там у тебя в душе написано.

Давно уже прошел сороковой день после первого снега. Наступила крепкая морозная зима.

Но вот как-то в заснеженном овраге увидел я, как промчался вдали Снежный Всадник.

— Постой! — крикнул я вдогонку.

Приостановился Всадник, мельком глянул на меня и тут же прищипил коня, поскакал дальше. Сразу прочел, что у меня на душе. А на душе у меня ничего особенного не было, кроме тетеревов да зайцев. И валенок с галошами.

В другой раз в середине зимы встретил я Всадника. Свистнул — и приостановился Снежный Всадник, обернулся и сразу прочел, что у меня на душе. А на душе у меня опять ничего особенного не было. Кроме, конечно, горячего чаю с медом.

Все суровей, глубже становилась зима. Снега все падали и падали на землю. Замело, занесло снегами леса и деревни.

В самую глухую зимнюю пору встретился мне Всадник в третий раз.

Неторопливо, шагом ехал он по просеке, по березовой роще мне навстречу. Увидел меня, остановился.

Хотел я его спросить, долго ли до весны, да постеснялся.

Внимательно и терпеливо смотрел на меня Снежный Всадник, читал мою душу от конца до начала.

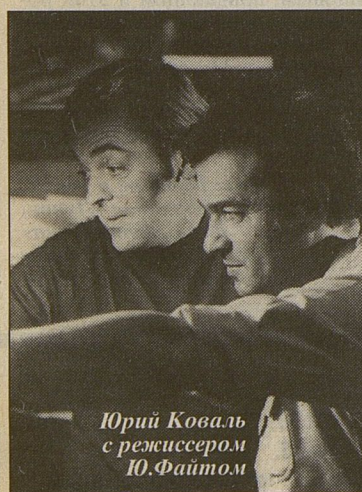
А что же там, у меня на душе-то?

Публикацию подготовил Юлий ФАЙТ

● Рисунки Юрия КОВАЛЯ

— Мама, а почему мы вдвоем, когда мы втроем?

И снова мы втроем, и с нами долгий вечер, Вечерний разговор, вечерние слова.

Юрий Коваль с режиссером Ю. Файтом

С кино Коваль был связан с юности. Он снимался, писал песни, писал сценарии по своим и чужим произведениям. К сожалению, кино — искусство коллективное, и творчество любого из участников обязательно подвергается влиянию соавторов — режиссера, оператора, актеров. Великие повести Ковалья «Недопёсок», «Пять похищенных монахов», рассказы из сборника «Алый», превращаясь в кинофильмы, становились поневоле произведениями не только Ковалья.

Зрительно навязывается зрительное и слуховое овеществление слова автора. А слово Ковалья уникально и неповторимо, пробуждает в каждом читателе воображение, рождает свой образ, видимый и слышимый. Вспомнить хотя бы первые фразы из его вещей: «Что мне нравится в черных лебедях, так это их красный нос» («Приключения Васи Куролесова»), «Темный крепдешиш ночи окутал жидкое тело океана» («Суер-Вьер»).

Большой художник — всегда единственный в своем роде. И стоит он пред миром — один.

Я представляю себе Юру сидящим на крыльце избы на Цыпиной горе. В Вологодской области, недалеко от дивного Ферапонтова монастыря, где нежно светятся фрески Дионисия, есть такая Цыпина гора. На ее склоне — маленькая деревушка.

Много я путешествовал по стране, бывал в пустыне и в тундре, в тайге и на высокогорье, но ничего душевнее видеть не приходилось. Сдержанная мощь и нежность.

Рядом с огромным серым валуном — тоненькая рябинка с горящими гроздьями, а под горой, до горизонта, уходя в синюю дымку, — темный ковер леса с проблесками маленьких озер. И где-то здесь, рядом — Юра Коваль.

Есть у него микрорассказ «Кувшин с листвоном».

Ночью задул листвоной — холодный октябрьский ветер. Он пришел с севера, из тундры, уже прихваченной льдом, с берегов Печоры.

Сырой землей, опятами, дымом с картофельных полей пахнет листвоной.

На речном обрыве, где ветер особенно силен, я подставил под его

струю красный глиняный кувшин, набрал побольше листвоной и закурил кувшин деревянной пробкой, залил ее воском.

Зимним вечером в Серебряническом переулке соберутся друзья. Я достану капусту, квашенную с калиной, чистодорские рыжикки. Потом принесу кувшин, вытащу пробку.

Друзья станут разглядывать кувшин, хлопать его по звонким бокам, удивляться, почему он пустой. А в комнате запахнет сырой землей, сладкими опятами и дымом с картофельных полей.

В этом волшебном кувшине, запечатанном воском, как джин в бутылке, живет дух Юрия Ковалья. Дух родной земли, духи зверей, птиц, рыб, растений и людей.

Вытащите пробку, откройте книгу Ковалья, и на вас пахнут прелым листвоном и чистодорскими рыжиками, вы познакомитесь с Пантелевной, Нюркой и дядей Зуем, подружитесь с Капитаном Клоквиным и Белозубкой, недопёском Наполеоном Третьим и картофельной собакой Тузиком.

Ищите книги Ковалья, собирайте их для себя, для своих детей и внуков.

И вы наверняка полюбите большого Художника и замечательного Человека — Юрия Ковалья.

Юрий Коваль. Рисунок Арсения Тарковского